

Г. А. АРБАТОВ,

Почетный директор Института США и Канады РАН, академик РАН

ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНАЯ И НРАВСТВЕННАЯ ГРОМАДА

Я думаю, что нельзя отождествлять образованность с интеллигентностью. В одном из писем Дмитрий Сергеевич очень тонко заметил, что если человек образован и умен, но не добропорядочен и не честен, то его ум превращается в хитрость. Плюс становится большим минусом.

Многие из нас видели тому живые примеры.

Интеллигентность предполагает гораздо больше, чем определенный уровень интеллектуального развития, знаний и т. д. Необходимы определенные нравственные качества — добропорядочность, честность, неспособность к подлости. А. П. Чехов в этом отношении является примером, как и многие герои его произведений.

Я знал Д. С. Лихачева, к сожалению, очень мало. Познакомился с ним на съезде депутатов. Помню свои первые впечатления. У меня было ощущение, будто я перед какой-то громадой интеллектуальности и нравственности, которая невольно вызывает робость. Не то чтобы я его боялся, но, ощущая большое превосходство, я иногда ловил себя на мысли: «Неужели это возможно?» Такой он был человек. Вместе с тем Дмитрий Сергеевич был несколько наивным человеком.

Периоды, о которых здесь говорили, советский и демократический, по-моему, не точны. Ельцин и его режим были нередко далеки от демократии. Период его президентства, скорее, ознаменован отступлениями от демократии. А советский период был очень разным: то зверски жестоким, то «мягким» до «оттепели» и смягчения нравов. Горбачев, например, и его политика обеспечили большой прогресс демократии, хотя это были времена советской власти. Если сейчас сохранилось что-то от демократии и свободы слова, мы должны благодарить за это не Ельцина, а Горбачева.

В 60-х годах работал в ЦК КПСС с Андроповым, и с тех пор у меня сохранялись с ним хорошие отношения. Когда он ушел в КГБ,

то не захотел совсем расставаться со своим прежним окружением. У меня сложилось впечатление, что прежде всего он не хотел быть целиком во власти информации, которую получал по служебной линии, а потому старался сохранить какую-то связь с людьми независимыми, которых он ценил. Время от времени он встречался с Ю. П. Любимовым, Ф. М. Бурлацким, Л. П. Делюсиным и другими, чтобы для «баланса» знать и иные мнения.

Помню, вскоре после того как в 1982 году он стал Генеральным секретарем, мы с ним серьезно поссорились. Огорченный и несколько взвинченный тем, что, хотя руководителем страны стал человек, которому я верил и от которого многого ждал, прогресс почти не был заметен, я ему написал письмо. И в нем сделал вывод, что начинает расти большое разочарование в нем, в новом руководителе. И даже позволил себе бестактность, приведя распространенную в те времена поговорку «Вот тебе, бабушка, и Юрьев день». В качестве примера я привел и трудности, которые переживали театры Товстоногова, Любимова, Гончарова, в том числе запрещенные пьесы Эрдмана «Самоубийца» в Театре Сатиры. Также сообщил о том, что происходило в экономической науке.

Неприятности были связаны главным образом с заведующим сектором экономических наук Отдела науки ЦК КПСС М. И. Волковым, родственником предшественника М. С. Горбачева — Генерального секретаря ЦК КПСС К. У. Черненко. Этот родственник ходил из института в институт, читал «установочные» лекции, в которых директивно утверждал, что вершина экономической науки — «экономические проблемы социализма Сталина» и к ним надо возвращаться, а все остальное — от лукавого. Я был единственным директором, не пустившим его в институт. Я сказал, что не буду слушать его лекцию, поскольку знаю, какую ерунду он говорит, и не хочу путать своих сотрудников. Об этом я также написал Ю. В. Андропову, признаюсь, в не очень тактичной форме.

В тот же день я получил от него очень раздраженный ответ, после чего мы поссорились на четыре месяца. Помирил нас Горбачев. Был нелегкий разговор, после которого Андропов поручил мне написать обстоятельную записку о партии и интеллигенции. Он решил один из ближайших пленумов посвятить проблемам интеллигенции и политики в отношении интеллигенции.

Я его задание выполнил и получил одобрение. Потом мы с ним обсудили мою записку и его замечания. Я тогда сказал, что вопрос давно назрел, менять надо многое, начиная с исходной позиции. Почему интеллигенция — прослойка и если и упоминается, то всегда после рабочего класса и крестьянства? В чем-то она долгое время ущемлялась, во всяком случае, по сравнению с рабочими и крестьянами, например при приеме в вузы, в КПСС. Не пора ли определиться: если интеллигенция у нас на правах лишнего полубуржуазного класса, то не следует ждать от нее лояльности.

Ю. В. Андропов сказал: «Я в принципе с тобой согласен». И кое-что начал делать. В СССР интеллигенцией ведала контрразведка. Я задумался: почему наряду со шпионами она занимается интеллигенцией? Андропов создал Пятое управление, которое занималось только интеллигенцией. Я спросил его: «А управление, которое будет заниматься только рабочим классом, Вы создали? А только

крестьянами?» Он ответил: «Нет». «Значит, у Вас особое отношение и недоверие к интеллигенции. На что Вы тогда рассчитываете? Вы хотите лояльности от этих людей? Честной, самоотверженной работы на пользу власти? Или Вы хотите, чтобы агенты с Лубянки и Гороховой кружились вокруг них, подслушивая телефонные разговоры, перлюстрируя их почту, устраивая неприязности и т. д.?» Андропов ответил: «Ладно, мы об этом поговорим».

Ю. В. Андропов был самым интеллигентным, умным и образованным руководителем партии, которого я знал.

Но вернусь к основной теме. У нас в стране были люди, которые имели свое мнение и нелицеприятно его высказывали, например Сахаров, Солженицын. М. С. Горбачев, несомненно, их уважал. Но если, скажем, Сахарова он мог прервать, когда тот говорил с трибуны, то трудно представить, чтобы он (или Ельцин) позволил себе это с Лихачевым. Не потому, конечно, что его боялись. Высочайшая интеллигентность Лихачева делала это немислимым и даже политически опасным.

Меня поразило в биографии Лихачева, что, будучи на Соловках, потом на Беломорском канале, переживая все тяготы заключения, он готовил книгу о жаргоне заключенных. И в тех жутких условиях он оставался словесником, лингвистом. Дмитрий Сергеевич был настоящим ученым, преданным науке до конца.